

Безудержная щедрость исполнителя до слушателей так и не дошла

Веч. Москва. — 1999. —
16 марта. — с. 6

В БЗК состоялся концерт молодого пианиста Александра Мельникова

Елена КАРИЕНКО

В беспокойном, штурмующем вершины славы море молодых талантов пианист Александр Мельников, кажется, оставил далеко позади многих своих конкурентов. Перечень его побед может лишить чувств даже самых хладнокровных любителей музыки. Это и премии на самых престижных конкурсах (шумановском, королевны Елизаветы, ЮНЕСКО), и участие в музыкальных фестивалях, и звание солиста Московской филармонии, полученное в... 18 лет. Все эти регалии, а еще цитаты из восторженной западной прессы: бесподобно! изумительно! волнующая мощь! — были выписаны в концертном бук-

лете с тщательностью Лепорелло, лукаво предлагающего: «Вот, извольте, вам список регалий...». Сраженные наповал подвигами музыканта, слушатели при его появлении готовы были снять шляпы.

Но богатая биография Мельникова оказалась самым большим потрясением от концерта. Исполненная в начале третья соната Бетховена, произведение, полное динамизма и здорового спортивного духа, прозвучало вяло. Никаких прорывов энергии, никаких взлетов и падений, если не считать резких, пронзительных акцентов, заставивших нервно подергиваться плечи дремлющих то тут, то там меломанов.

Зато в 32-й сонате Бетховена пианист сделал прямо-таки открытие.

Нам дали понять, что Бетховен был прародителем европейской «попсы»! Пианист чутким ухом уловил «эстрадные» интонации и исполнил их так ритмически зажигательно, что хотелось хлопать ему в такт.

Вторая половина концерта была более благополучной, несмотря на то, что в исполнении «Симфонических этюдов» Шумана обещанная в буклете «безудержная юношеская щедрость» на нас так и не распространилась. На славу удались Мельникову скрябинские «бисы». Здесь были и нервность, и нежность, и мистический пафос. Наверное, Скрябин просто ближе музыканту, чем «жилистый» Бетховен, этим и можно объяснить столь пугающую разницу в качестве исполнений.